

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ИСТОКИ ИСТОРИОСОФИИ

А.С. ХОМЯКОВА

Д.А. Цыплаков,

Д.С. Желябовский

Новосибирский государственный университет
tsypl@ngs.ru

Статья посвящена истокам социальной философии известного представителя славянофильского течения русской мысли XIX в. А.С. Хомякова. Цель статьи – выявить истоки и смысл его историософии. В статье раскрывается центральная проблема философии славянофилов: взаимоотношение России и Европы. Через историософскую модель кушитства и иранства Хомяков проводит мысль о возможности реализации в истории России и славянства в целом идеи духовной свободы.

Ключевые слова: историософия, славянофилы, свобода, необходимость, исторический процесс.

Философское, литературное, публицистическое творчество славянофилов в последние годы удостоилось внимания многих отечественных и зарубежных исследователей. Думается, наступило время для более углубленного осмысления идей славянофилов в контексте идей и идеалов современного российского общества, все еще находящегося в процессе обретения культурной самоидентификации. Потому представляется актуальным обратиться к историософии А.С. Хомякова, рассмотрев ее значение для современной социально-философской мысли.

Труды по историософии Хомякова представлены в его «Записках о всемирной истории», которые, с легкой руки Гоголя, получили название «Семирамида». Это по сути черновики автора, которые не были предназначены для публикации. Они написаны без каких-либо претензий на научную работу, автор не делал ссылок на какие-либо источники, все факты он приводил на память. Работа представля-

ет собой объем несистематизированного материала, и поэтому, возможно, трудно для исследования. Эту работу следует рассматривать не как научную работу по истории, а скорее как труд по философии истории. Хомяков не был сторонником чисто научного и сухого подхода к изучению истории, считал что «книжность» ученых не дает им понять истинного положения дел в истории, не дает понять первопричины тех или иных событий в истории народов. Сам он пишет об этом: «Нужна поэзия, чтобы узнать историю; нужно чувство художественной, то есть чисто человеческой истины, чтоб угадать могущество односторонней энергии, одушевлявшей миллионы людей»¹. Предметом исследования истории автор считает историю всего человечества, при этом исследование истории отдельных цивили-

¹ Хомяков, А.С. Сочинения. В 2 т. / А.С. Хомяков. – М.: Моск. философ. Фонд; Меддум, 1994. – Т. 1. Работы по историософии. – С. 70.

лизаций и народов помогало понять ход развития истории в целом.

Если говорить о социокультурной обусловленности взглядов Хомякова, то необходимо выявить мотивы, которыми он руководствовался в своей историософии. Такой подход не отрицает экономический, психологический и другие факторы, повлиявшие на взгляды славянофилов, но главным в данном случае является анализ культурных истоков программы социальной деятельности. Культура образованного общества обеих столиц создала своеобразие славянофильского и западного движения. Вместе с тем, трактовка славянофильского движения часто однобока, как и само название «славянофильство». Сущность славянофильства (и это в большой степени можно сказать о Хомякове) состояла отнюдь не в противопоставлении России Западу. Стоит напомнить, что Хомяков называл Запад, европейские страны «страной святых чудес». Одной из основных черт славянофильства было предчувствие наступающего кризиса западной цивилизации.

Что лежало в основе этого кризиса?

Развитие науки и техники на Западе достигло уже в то время существенных масштабов. Были изобретены паровые машины, человек строит поезда и пароходы. Фабрики и заводы, технические средства упрощают производство и позволяют его сделать более масштабным, прогресс стремительно набирает обороты. Происходит открытие электромагнетизма и возникновение электротехники. Все в мире становится более доступным и простым, комфортным. Человек покоряет природу своим разумом. Прогресс, казалось, вот-вот поставит все точки над «и» и жизнь человека станет беззаботна и прекрасна.

Однако вместе с этими достижениями науки и прогресса в мир приходят другие проблемы – проблемы не материальные и технические, но социальные. И следствием из них явились войны, невиданные по своему масштабу, кровопролитные революции, жесточайшая эксплуатация человеческого труда. Европа переживала кризис, кризис духовный. Это понимали не только славянофилы, но и другие мыслители того времени².

Причину этого кризиса понимали по-разному. Социалисты, например, утверждали, что причина в неправильном устройстве общества, что можно перестроить общество так, чтобы все люди в нем жили в достатке и были счастливы. Хотя как раз попытки переделать государственный строй и приводили к революциям. Славянофилы же видели проблему в другом, а именно в духовно-нравственных началах. Они считали, что Запад болен рационализмом. Признав рассудок высшим авторитетом, европейская цивилизация перестала считаться с какими то ни было интересами, кроме материальных выгод человечества. Она запустила «самодвижущийся нож разума», который уничтожил все человеческие начала. Рассудок схематизирует мир, препятствует целостному его восприятию, такое познание воспринимает лишь схему вещи, но не вещь саму по себе. «Логическое сознание, переводя дело в слово, жизнь в формулу, схватывает предмет не вполне, уничтожает его действие на душу. Живя в этом разуме, мы живем на плане, вместо того, чтобы жить в доме, и, начертав план, думаем, что строим здание». Если человек живет рацио-

² Об этом см. напр.: *Долгушин, Д.В.*, священник. В.А. Жуковский и И.В. Киреевский. Из истории религиозных исканий русского романтизма / Д.В. Долгушин. – М. : Рукоп. памятники Древней Руси, 2009. – С. 153.

нализм, то исчезают такие понятия как вера, эстетическое наслаждение, самопожертвование, нравственный подвиг – все это теряет свой смысл. И в этом главная проблема. Если убрать все эти понятия из жизни человека, то что останется? Человек обезличивается, он теряет смысл своей жизни. Ему остается стремиться только к каким-то материальным, рассудочным выгодам. Все силы души он вынужден тогда направлять на удовлетворение физических потребностей. Исчезают тогда нравственные основы, жизнь отдельного человека сама по себе не представляет ценности как таковой, потому что во главе всего стоят экономические и государственные выгоды. С экономической точки зрения цель оправдывает средства, и если потребуются человеческие жертвы, то значит, без них не обойтись. Именно поэтому происходят кровопролитные войны и революции, начинается жестокая эксплуатация рабочих на фабриках.

И все это происходило в европейской цивилизации. Славянофилы считали, что человек, рационализовав мир, оторвался от связи с действительностью. Он потерял веру и духовные начала, а значит, оторвался от своих корней. Материальные вещи не могут быть смыслом жизни человека, он всегда будет искать чего-то еще, духовной жизни, веры. Если же этого нет, то человечество заходит в тупик. И в этом тупике оказалась Европа.

Поэтому исторический труд Хомякова в его интенции предназначен к тому, чтобы поставить диагноз западной цивилизации, а также наметить путь России, который позволил бы ей избежать общеевропейского кризиса, а возможно, даже и помочь Европе этот кризис преодолеть.

Центральной проблемой философии истории славянофилов была проблема

отношения Востока и Запада. Проблема эта стояла как в смысле историческом, так и философском, и культурном. При этом Запад не воспринимался однозначно враждебно, как именно что-то отрицательное. Славянофилы считали, что на Западе было богатое культурное и философско-научное наследие, и эти идеи, весь этот опыт можно и нужно было перенимать. Но они осуждали слепое подражание Западу, просто скопировать в наш русский быт все традиции и культуру Запада было бессмысленно и нелепо. Хомяков писал в своей статье «Мнение иностранцев о России»: «Принимая все без разбора, добродушно признавая просвещением всякое явление западного мира, всякую новую систему и новый оттенок системы, всякую новую моду и оттенок моды, всякий плод досуга немецких философов и французских портных, всякое изменение в мысли или в быте, мы еще не осмелились ни разу вежливо, хоть робко, хоть с полусомнением спросить у Запада: все ли то правда, что он говорит? все ли то прекрасно, что он делает?»³. И Хомяков осуждал именно слепое подражание Западу. Вообще идея славянофилов была в том, чтобы переработать и переосмыслить мировую культуру, не отвергать ее, а именно со своей позиции, с позиции православного человека, все идеи Запада освятить, привнести в них русскую мысль. И в этом они видели путь России, ее особенное предназначение. Западная культура, как они считали, шла к своему закату и Россия была призвана вернуть ей жизненные силы.

Нетрудно видеть, что Хомяков предпринял свой громадный труд для того, чтобы определить место славянских народов в общемировой истории: генезис славян-

³ Литература и жизнь. [Электронный ресурс] / А.М. Возлядовская, М.В. Гуминенко. Режим доступа: http://dugward.ru/library/homyakov/homyakov_mnenie_inostran.html. – Загл. с экрана.

ства, особенности влияния на другие народы. Он строит свою историософию как апологию славянства. Мыслитель считал, что коренные черты славян – миролюбие, общительность и общинность, близость к общечеловеческим началам нравственности – сделали его восприимчивым к подлинной духовности. Россия, восприняв духовное наследие Византии, сумела дальше развить его, создав основы «христианской государственности», «домашнюю святыню семьи», «деревенский мир с его единодушной сходкою, с его судом по обычаю совести и правды внутренней».

Именно эти черты позволяют, по мысли Хомякова, славянам стать в центре исторического процесса, которым движут две духовные силы: свобода и необходимость. Историей движут народы, но основу народного духа составляют отдельные личности. Эта субъектная и персоналистическая основа исторического процесса не подвергается сомнению и принимается как само собой разумеющееся. И в основе антропологии и в основе социальных взглядов у Хомякова лежит учение о двух коренных типах личности, представляющих полярные начала свободы и необходимости: «Свобода и необходимость, – пишет Хомяков, – составляют то тайное начало, около которого в разных образах сосредоточиваются все мысли человека»⁴.

При этом в каждой отдельной личности, в каждом человеке происходит борьба между этими началами, и в результате того что победит – свобода или необходимость, образуется тот или иной тип личности. Тот тип личности, в котором господствует искание свободы он называет *иранским*, а в котором господствует подчиненность необходимости – *кушитским*. Вся история движется в противоборстве этих двух начал. Это центральные понятия в историософии Хомякова.

⁴ Хомяков, А.С. Указ. соч. – С. 188.

Эти типы личности определяли и определялись образом жизни народов: «народы земледельческие» он относит к иранскому типу, а «народы завоевательные» – к кушитскому. Исходя из своего образа жизни, народы земледельческие становились легкой добычей завоевателей, до тех пор, пока не окрепли и не слились в сильные государства. Земледелец, утомленный борьбой с племенами кочевыми, часто менял свободу на смиренную подчиненность или на рабство. Это формировало характер народа. Завоеватель вряд ли будет с чем-то мириться, он лучше умрет в бою. И, конечно, у него появляется чувство превосходства над побежденным. Хомяков пишет: «Народы завоевательные по первоначальному своему характеру сохраняют навсегда чувство гордости личной и презрения не только ко всему побежденному, но и ко всему чуждому... Это чувство презрения к чуждому долго сохраняет народность их. Победители, они угнетают поработанных и не смешиваются с ними; побежденные, они упорно противятся влиянию победителей и хранят в душе инстинкты, зарождаемые в них веками старинной славы»⁵. А земледелец вынужден смиряться со своей участью, отказываться от своей свободы ради того, чтобы сохранить семью, образ жизни, свой город. Ему часто не остается выбора, кроме как подчиниться завоевателю. Оттого «земледельческие народы» сильнее «впитывают» в себя чужую культуру – культуру завоевателя. «Народы земледельческие, – пишет Хомяков, – ближе к общечеловеческим началам. На них не действовало гордое волшебство победы; они не видали у ног своих поверженных врагов, обращенных в рабство законом меча, и не привыкли считать себя выше своих братьев, других людей. От

⁵ Там же. С. 98.

этого они восприимчивее ко всему чуждому. Им недоступно чувство аристократического презрения к другим племенам, но все человеческое находит в них созвучие и сочувствие»⁶. Так, народы славянские Хомяков относит к земледельческим, иранским, кушитские народы, завоевательные – это монголы, турки, германцы.

Постараемся понять, откуда идут эти начала – вещественное и духовное, как связано это с образом жизни народов, в чем первоначальный источник этого разделения. Хомяков говорит, что начала эти пошли из разделения верований народов. Рассматривая религии, Хомяков приходит к выводу, что независимо от стран, племен, обрядов они делятся на две ветви, два начала – иранское и кушитское. Иранское начало есть поклонение духу, духу свободно творящему. Кушитское начало есть поклонение необходимости, вещественности, это порабощение духа. Иранские религии – это верования древнего Ирана, иудаизм и христианство, они основываются на понятиях нравственной свободы, свободы духа. «Начало духовное, служение мысли отвлеченной (не философской, но нравственной) шло из северо-восточного Ирана, которого центр Кавказско-Араратская твердыня... Характер религии духовной есть строгое и гордое отчуждение от вещественности, легко переходящее в фанатизм, но возвышающее и очищающее душу от чувственных склонностей»⁷.

В кушитских религиях царит дух необходимости, неволи. Кушизм ставит во главу угла телесную жизнь человека и все служит удовлетворению внешней, физической стороны жизни. Кушизм разделяется на две ветви – вещественную и духовную,

на шиваизм и буддаизм. Шиваизм – это поклонение исключительно царствующему веществу, буддизм – это поклонение работающему духу, находящему свою свободу только в самоуничтожении.

Кушитство – это поклонение жизни как необходимому факту, подчинение духа законам необходимости и логической связи вещей. Поэтому для кушитства при восприятии мира характерны анализ и рационализм, нравственная свобода личности уходит на второй план. В иранстве восприятие мира более целостно, оно не рационально. Не заключая познаваемое в рамки логики, человек видит мир иначе, он не отрывается от него. Не происходит разделения знания о мире от самого мира.

В иранстве возвышена идея добра, в нем доброе начало преобладает над злым, и во всех религиях победа остается за добрым началом. В кушитских религиях нет нравственного добра. Хомяков говорит: «Мы видели, что стихийное служение развивалось в двух видах, в страстном и вещественном шиваизме, в отвлеченном и созерцательном буддаизме, и переходило всю лестницу человеческих заблуждений, от служения рукодельному фетишу до торжественного поклонения святыне небытия; но везде и во все эпохи сохранило оно одну и ту же основную мысль: жизнь есть необходимость, и необходимость, так сказать, внешняя духу мыслящему. Но этот дух в ней закован и ему остается или признать ее бесспорно и служить ей, или уничтожить себя, чтобы получить свободу. В первом случае добра нравственного нет, потому что идея добра несовместна с идеей рабства, а свобода невозможна. В другом нет добра нравственного, потому что свобода духа возможна только в удалении от всякого действия. Ибо действие завлекает

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 179.

ее в мир необходимости, а свобода, не проявляясь, остается в области небытия. Таков смысл кушитского учения во всем его развитии⁸. Эта мысль понятна – добро будет таковым только когда оно свободно, т.е. человек выбирает сам между добром и злом и его поступок не обусловлен необходимостью выбрать добро. А если свободы нет, то нет и нравственного выбора человека, нет проявления воли человека к добру. Поэтому в некоторых кушитских государствах, например в Китае, в котором жизнь была основана на «законе гармонии», добродетели общественные подменяли собой высшие добродетели человеческие. Злое начало у иранства представлено в виде змеи, а у кушитов наоборот – змея начало доброе, именно потому, что она является символом жизненной силы, плодородия, призывает человека к телесному миру, к законам необходимости.

Кушитство, основанное на необходимости, рождает условную общность людей – государство. Все кушитские цивилизации были именно крепкие государственные образования: Вавилон, Египет, Китай, Южная Индия. Иранство не может создавать принудительный союз, потому как главное это свобода. И поэтому иранские цивилизации редко создают сильные государства. И благодаря этому со временем кушитство преобладает практически повсеместно на земле. Кушиты завоевывают иранские государства и они, поработавшись, становятся кушитскими. Но почему это так? Почему завоеванный народ не может сохранить себя от влияния законов необходимости?

В ответ на этот вопрос Хомяков говорит, что в душе человека есть склонность и к иранству и к кушизму. И даже более

⁸ Там же. С. 198.

того – иранское начало преобладает в душе, не побежденной страстями. Но при столкновении этих начал душа побеждается началом кушитским. То есть как только эти начала встречаются, происходит порабощение духа законам необходимости, кушитство берет вверх. Оно сильнее, потому что волей-неволей человек, находясь в мире, привязывается к законам этого мира, к логике, к причинно-следственной связи всего происходящего. Свободу же духа нужно сохранить, потому как только человек принимает законы необходимости, то он поработается ими. Хомяков говорит об этом: «Шаткость разума и обманы эмпирического мудрствования влекли человека к признанию первоначальной необходимости, еще сильнее влекли его по тому же пути все худшие страсти, в нем врожденные»⁹. Поэтому начало кушитское распространяется почти повсеместно в мире. Оно побеждает потому, что жить так проще для человека. Все тогда можно объяснить логически, а страсти души можно оправдать жизненной необходимостью. Если нужно было завоевать соседние земли, забрать что-то силой, то это можно оправдать тем, что это нужно для жизни, что выживает сильнейший. Рационализм берет вверх и нравственные начала в человеке побеждаются материальными выгодами.

Возвращаясь к вопросу отношения Востока и Запада, Хомяков считает, что в Европу проник именно дух вещественной необходимости. Проникнув в католичество, он извратил христианство, рационализировал его. А проникнув в веру народа, он изменил его духовные основы, потому в Европе воцарился дух рационализма, вещественности, господство логическо-

⁹ Там же. С. 274.

рационалистического начала в сознании. В России же сохранилось иранское начало, а значит, свобода духа, нравственность. Поэтому не так у нас привязано все к вещественному, к материальным выгодам, главное для русского человека были духовные ценности.

Общая для славянофилов мысль о будущей миссии славянства понималась, однако, представителями этого течения неодинаково. Все славянофилы признавали, что Россия с XVIII в. включилась в общеевропейский культурный процесс. Культура России испытывала как никогда сильные западные влияния. В Европе искали ответов, отсюда ждали откровения. Но славянофилы повернулись к истокам родной культуры и в них предлагали найти ответы на социальные вопросы.

Так, К.С. Аксаков предлагал России сосредоточиться на внутренних проблемах, главным путем развития России он видел высвобождение народного духа, свободное развитие начал народной жизни, не стесненных государством. В том же идеологическом русле направлялись и труды Ю.Ф. Самарина. Главной их целью было возрождение России как самобытного государства. Для И.В. Киреевского славянство должно стать примером культурного возрождения целостного человека и положить начало новому европейскому Просвещению на христианских началах. Историософия Н.Я. Данилевского предсказывала политическое и этносоциальное превалирование славянского культурно-исторического типа. Между просветительской и политической идеей доминирования славянства находится концепция А.С. Хомякова.

Кризис Запада им определяется как кризис духовный. Антропологическим

последствием технического прогресса является растерянность человека. Человек в мире технократической цивилизации обнаруживает, что теряет свободу и самостоятельность, становится деталью огромной фабрики, в которую постепенно превращается мир. Причину такого порабощения человека Хомяков, как уже указывалось, видит в том, что в западной цивилизации воплощается кушитское начало: принудительного порядка, которое порабощает духовные начала человеческого общества. Именно славянство должно помочь Европе вновь привнести в жизнь Европы начало духовной свободы.

Как понять этот, на первый взгляд, парадокс: западные общества, в которых воплотились либеральная идея, гражданские права и свободы, видятся Хомякову построенными на начале необходимости, а Россия – самодержавное государство – видится потенциальной колыбелью духовной свободы? Не нужно думать, будто Хомяков был слеп, и не видел этого очевидного противоречия. Но взгляд мыслителя был направлен глубже: либеральные начала западного общества построены на идее необходимости, они исходят из того, что эгоизм, себялюбие являются для человека нормой, которую, правда, можно ввести в форму закона, чтобы минимизировать разрушительные последствия этих начал.

Как пишет Бердяев в работе «Алексей Степанович Хомяков»: «Восток стоит за самодержавие государственное потому, что он сравнительно свободен от поглощения интересом земного благоустройства; но он не допускает и мысли о возможности самодержавия духовного, потому что область духа для него так дорога, что он не находит возможным ставить какие-либо внешние преграды между тем, что

почитает абсолютно важным, и своим личным духом»¹⁰. «Величие самодержавия, – пишет Хомяков – заключается в величии народа, добровольноверяющего ему свои судьбы, но вовсе не в нем самом, не в том, что оно есть совершенная форма государственного правления, ибо само по себе оно не плохо и не хорошо; и может быть и полезно, и вредно, смотря по своему применению»¹¹. Н.А. Бердяев особо указывает, что самодержавие для Хомякова «не империализм, не бюрократизм, не абсолютизм, не культ власти... Самодержавие славянофильское ничего общего не имеет с самодержавием историческим... Заслуга Хомякова в том, что он особенно подчеркивает этот разлад между славянофильским идеалом и эмпирической действительностью»¹².

Итак, идея самодержавия нужна Хомякову именно для того, чтобы ограждать Россию от «соблазна» кушитской государственности, как своеобразной «религии государства» (некоторый аналог которой мы можем видеть в США, в американской идеологии). Государство не должно вмешиваться в саму жизнь народа, не должно определять ее, а должно ее ограждать и охранять. Народная жизнь должна развиваться самобытно-

самостоятельно. И этот славянофильский идеал весьма близок к кантовскому идеалу гражданского общества, как негосударственных усилий по устройению социальной сферы. Идеал народного общежития, в котором свободно может созидаться нравственный дух народа – вот что составляло цель развития славянства в историософии Хомякова. Эта историософия, будучи мало обоснованной фактически, тем не менее не потеряла своей социокультурной актуальности и в наши дни, поскольку заставляет нас задуматься: а пригодны ли западные либеральные идеи для нашей российской действительности? Не должны ли мы, сверившись с идеями славянофилов, выработать собственные идеалы свободного социального развития России XXI века?

Литература

Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли. Алексей Степанович Хомяков / Николай Бердяев. – М.: АСТ Хранитель; АСТ Москва, 2007. – 445 с.

Священник Долгушин, Д.В. В.А. Жуковский и И.В. Киреевский. Из истории религиозных исканий русского романтизма / Д.В. Долгушин. – М.: Рукоп. памятники Древней Руси, 2009. – 352 с.

Литература и жизнь [Электронный ресурс] / А. М. Возлядовская, М. В. Гуминенко. – Режим доступа: http://dugward.ru/library/homyakov/homyakov_mnenie_inostran.html. – Загл. с экрана.

Хомяков, А.С. Сочинения в двух томах. Т. 1. Работы по историософии / А.С. Хомяков. – М.: Моск. философ. фонд; Меднум, 1994. – 589 с.

¹⁰ Бердяев, Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли. Алексей Степанович Хомяков / Николай Бердяев. – М.: АСТ Хранитель; АСТ Москва, 2007. – С. 393.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 394.